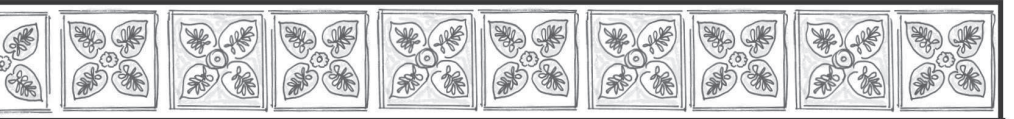

*Моим родителям, которые сделали все,
чтобы подарить своим детям возможность мечтать,
и всегда оставались рядом, как бы далеко и надолго
меня ни заносила дорога.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Дэвабадом правит династия Кахтани, потомков Зейди аль-Кахтани, гезирского воина, который много веков назад возглавил восстание, в ходе которого Совет Нахид был свергнут, а шафиты — восстановлены в правах.

ГАСАН АЛЬ-КАХТАНИ, правитель волшебного царства, защитник веры.

МУНТАДИР, старший сын Гасана от первой жены-гезирки, будущий преемник короля.

ХАЦЕТ, королева-аяанле и вторая жена Гасана, происходящая из влиятельного семейства в Та-Нтри.

ЗЕЙНАБ, дочь Гасана и Хацет, принцесса Дэвабада.

АЛИЗЕЙД, младший сын короля, высланный в Ам-Гезиру за измену.

Свита и Королевская стража

ВАДЖЕД, каид и главнокомандующий армии джиннов.

АБУ НУВАС, гезирский офицер.

АКИСА и **ЛЮБАЙД**, воины-охотники из ам-гезирской деревни Бир-Набат.

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ВЕРХОВНЫЕ НАХИДЫ

Нахиды, исконные правители Дэвабада и потомки Анахид, были потомственными целителями из племени Дэв с выдающимися магическими способностями.

АНАХИД, избранница Сулеймана, первоосновательница Дэвабада.

РУСТАМ, один из последних Нахид, талантливый травник, павший от руки ифритов.

МАНИЖА, сестра Рустама и одна из сильнейших за много веков целительниц.

ДЖАМШИД, ее сын от Каве и приближенный эмира Мунтадира.

НАРИ, целительница, чьи родители неизвестны, в младенчестве оставлена на человеческой земле, в Египте.

Их сторонники

ДАРАЯВАХАУШ, последний из рода Афшинов, кастовой военной династии дэвов, служившей одесную Совету Нахид, получивший прозвище Бич Кви-Цзы за жестокие действия, учиненные им в ходе войны и последующий бунт против Зейди аль-Кахтани.

КАВЕ Э-ПРАМУХ, старший визирь, дэв.

КАРТИР, верховный жрец дэвов.

НИЗРИН, некогда помощница Рустама и Манижи, а теперь — наставница Нары.

ИРТЕМИДА, НОШРАД, ГУШТАП, МАРДОНИЙ и БАХРАМ, солдаты.

ШАФИТЫ

Население смешанной, произошедшей от людей и джиннов расы, вынужденное проживать в Дэвабаде, значительно ограниченное в правах.

ШЕЙХ АНАС, прежний лидер «Танзима» и ментор Али, казненный королем за измену.

СЕСТРА ФАТУМА, лидер «Танзима» и надзирательница за сиротским приютом и благотворительной деятельностью ячейки.

СУБХАШИНИ и ПАРИМАЛ СЕН, врачи-шафиты.

ИФРИТЫ

Дэвы, несколько тысячелетий назад отказавшиеся покориться воле Сулеймана, за что и были им прокляты; смертельные враги Нахид.

АЭШМА, главный ифрит.

ВИЗАРЕШ, ифрит, напавший на Нари в Каире.

КАНДИША, ифритка, поработившая и убившая Дару.

ШАКР, брат Визареша, убитый Нари.

ОСВОБОЖДЕННЫЕ РАБЫ ИФРИТОВ

После бесчинств, учиненных Дарой, и его смерти от руки принца Ализейда те джинны, которых целители Нахиды много лет назад освободили из рабства и воскресили, оказались подвергнуты порицанию и преследованиям — только трое из них остались в Дэвабаде по сей день.

РАЗУ, авантюристка из Тохаристана.

ЭЛАШИЯ, художница из Карт-Сахара.

ИССА, ученый и историк из Та-Нтри.

ПРОЛОГ

МАНИЖА

Бану Манижа э-Нахид взирала на родной город, стоя у зубчатых стен испокон веков принадлежавшего ей дворца. Залитый звездным светом, Дэвабад был прекрасен: ломаные линии башен и минаретов, куполов и пирамид, как россыпь драгоценных игрушек, с высоты поражали своим великолепием. Озеро за белой полосой пляжа мерцало рябью, дрожа в черных объятиях гор.

Она положила ладони на каменный парапет, широко расставив пальцы. Манижа была лишена этой красоты, когда находилась в повиновении у Кахтани. С юных лет она вселяла в них беспокойство своей непокорностью. Недюжинные способности Манижи и несомненная благосклонность дворцовой магии к даровитой юной Нахиде подписали девочке приговор еще до того, как она поняла, что стражники, сопровождавшие ее и днем, и ночью, были приставлены к ней отнюдь не для защиты. Один-единственный раз она поднималась сюда, по приглашению Гасана, вскоре после того, как тот стал королем. Манижа ясно помнила, как они любовались городом, за который гибли и убивали друг друга их семьи, а потом Гасан взял ее за руку и мечтательно заговорил о том, как их народы объединятся и они смогут начать все с чистого листа. О том, что он любил ее с самого детства и как же больно было *ему* от собственного бессилия всякий раз, когда его отец мучил и истязал Манижу и ее брата. Она ведь понимает, не может не понимать, что у Гасана не было иного выбора, кроме как хранить молчание.

Перед ее мысленным взором до сих пор стояло полное надежды лицо Гасана, залитое ярким светом луны. Они были мо-

лоды; он был хорош собой. Обаятелен. «Какая пара», — сказали бы люди. Кто же откажется стать королевой и возлюбленной могущественного короля джиннов? И действительно, она переплела свои пальцы с его и улыбнулась — в те дни она еще не разучилась этого делать. Ее взгляд задержался на свежей печати Сулеймана на лице Гасана.

А затем она перекрыла ему дыхание.

Но хватило ее ненадолго. Гасан оказался проворнее, чем ожидала Манижа, и по мере того, как иссякали ее силы, ослабевало и давление на его горло. Гасан был в ярости, его лицо побагровело от такого вероломства, как и от нехватки воздуха, и Манижа подумала, что он ударит ее. Или сделает что-то еще более страшное. И даже если она закричит, это не будет иметь значения, потому что он стал королем и никто не посмеет ему перечить.

Но этого не случилось. Гасан поступил иначе. Манижа ранила его в самое сердце, и Гасан ответил ей тем же, не размениваясь на пустяки: заставил ее смотреть, как он избивал до полусмерти ее брата. Он ломал Рустаму кости, давал им срастись, а затем повторял все вновь и вновь, истязая его, пока на том не осталось живого места и Манижа не упала на колени, моля Гасана о пощаде.

Когда он наконец смиловивился, ее слезы разозлили короля даже больше, чем ее первоначальный отказ.

— Я хотел, чтобы между нами все было иначе, — произнес он с укоризной. — Не стоило меня оскорблять.

Воспоминание накрыло ее с головой, так что ей пришлось сделать глубокий вдох. «Он мертв», — повторяла она про себя. Манижа долго не сводила взгляда с окровавленного трупа Гасана, запечатлевая в памяти эту картину, убеждая себя, что ее мучителя действительно больше нет. Но она не торопилась отправлять его на костер — рано. Она намеревалась тщательно обследовать его тело, надеясь найти в нем ключ к разгадке обладания печатью Сулеймана. От Манижи не укрылось, что у него отсутствовало сердце — оно было вырезано из груди с такой хирургической точностью, что в том, чьих это рук дело, не оставалось сомнений. Отчасти она была благодарна за это. Несмотря на все, что она говорила Нари, Манижа плохо представляла, как кольцо с печатью переходит от одного владельца к другому.

Теперь же, благодаря Нари, Манижа знала, что первым делом нужно лишить принца джиннов сердца — но сначала их, конечно, предстояло найти.

Манижа снова перевела взгляд на город. Стояла пронзительная тишина, навевая странный флер на всю картину. Словно в Дэвабаде царил покой, и безмолвный ночной город мирно спал, как и прежде — под защитой своих законных правителей.

Фантазия разбилась об очередную вопль, послышавшийся вдали. Повсеместно крики уже начинали затихать, и ярость ночи уступила место иступленному страху. Когда люди напуганы, когда они загнаны в тупик, они не кричат. Они прячутся сами, прячут своих близких, ищут любого укрытия, молясь, чтобы опасность прошла их стороной. Все в Дэвабаде знали, что следует за взятием городов. Они росли на рассказах о кровавых расправах беспощадного неприятеля: в зависимости от того, откуда они были родом, они слушали леденящие кровь истории о варварском захвате Дэвабада или Зейди аль-Кахтани, или Дараявахаушем э-Афшином по прозвищу Бич Кви-Цзы, или о бесчисленных разорениях человеческих городов. Нет, криков не будет. Жители Дэвабада спрячутся по углам и будут беззвучно плакать, крепко прижимая к себе детей, и внезапная утрата магии покажется им лишь одной из многих трагедией этой ночи.

Они решат, что к власти пришел новый Сулейман. Любой разумный джинн пришел бы к такому выводу. Не с того ли начался великий суд Сулеймана, что он лишил всех джиннов магии предков? Сейчас все наверняка боялись того, что их жизнь окажется разбита на осколки: что их разлучат с семьями, и, в бессилии, они будут вынуждены служить очередному человеческому господину.

Бессилие. Манижа сильнее прижалась ладонями к холодному камню, остро желая почувствовать магию дворца. Зажечь танцующий огонек или выпустить пелену дыма. Казалось невероятным, что ее способности просто исчезли, и она могла только вообразить себе количество раненых в лазарете, раненых, которых она теперь не могла исцелить. Для женщины, у которой отобрали все, что она когда-либо любила — застенчивого провинциального дворянина, который мог бы стать ее